

Чекушкина Елена Петровна

ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВ И ПОНЯТИЙ В ЧУВАШСКОЙ И ТАТАРСКОЙ ПРОЗЕ КОНЦА XX - НАЧАЛА XXI В.

Чувашский и татарский народы, являясь генетически родственными, имеют много общего в своем культурном развитии. В современном литературоведении все больше внимания уделяется сравнительному анализу произведений родственных народов, т.к. это помогает лучше понять многогранный и такой разный современный мир, а также процессы, которые в нём происходят. Именно поэтому в данной статье были изучены особенности чувашской прозы конца XX - начала XXI в. в контексте татарской литературы. Основное внимание уделено анализу произведений чувашских писателей А. Тарасова, В. Петрова и татарских писателей Р. Рахман, К. Латыпа. Главными приоритетами в творчестве исследуемых авторов являются раскрытие мотива одиночества и изучение морально-этических взаимоотношений людей в современном мире.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/9-1/18.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(75): в 2-х ч. Ч. 1. С. 70-72. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82.09

Чувашский и татарский народы, являясь генетически родственными, имеют много общего в своем культурном развитии. В современном литературоведении все большее внимание уделяется сравнительному анализу произведений родственных народов, т.к. это помогает лучше понять многогранный и такой разный современный мир, а также процессы, которые в нём происходят. Именно поэтому в данной статье были изучены особенности чувашской прозы конца XX – начала XXI в. в контексте татарской литературы. Основное внимание уделено анализу произведений чувашских писателей А. Тарасова, В. Петрова и татарских писателей Р. Рахман, К. Латыпа. Главными приоритетами в творчестве исследуемых авторов являются раскрытие мотива одиночества и изучение морально-этических взаимоотношений людей в современном мире.

Ключевые слова и фразы: чувашская проза; татарская проза; образы и мотивы; Арсений Тарасов; Василий Петров; Рифа Рахман; Кави Латып.

Чекушкина Елена Петровна, к. филол. н.

*Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары
enapri@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВ И ПОНЯТИЙ В ЧУВАШСКОЙ И ТАТАРСКОЙ ПРОЗЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI В.

*Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-14-21024
(The reported study was funded by RFBR according to the research project № 17-14-21024).*

В литературоведении особенностям развития и стилового разнообразия чувашской прозы конца XX в. уделено немало внимания. Например, художественный мир чувашской прозы 1950-1990 гг. изучался Г. И. Федоровым еще в конце XX в. [8]. Художественно-философская и художественно-публицистическая чувашская проза второй половины XX в. исследовалась А. Ф. Мышкиной [3]. Автор настоящей статьи тоже работала над данной проблемой, выявляя художественные особенности творчества молодых чувашских прозаиков конца XX – начала XXI в. [9]. Однако чувашская проза в контексте татарской литературы почти не рассматривалась, в то время как генетически родственные чувашская и татарская литературы имеют много общего в своем развитии. Это наиболее примечательно, особенно в связи с актуализацией в настоящее время сравнительного изучения генетически родственных литератур с целью выявления общих литературных тенденций.

Исследователь марийской прозы Р. А. Кудрявцева отмечает, что «композиционную основу большинства рассказов современных писателей Поволжья составляет противопоставление, основанное на контрастных образах и понятиях: старый и новый уклады жизни, родители и дети, традиционная и современная мораль...» [2, с. 131]. Связано это с тем, что «картина мира в прозе, устремленной к решению “вечных” тем, часто имеет два измерения: прошлое и настоящее; вернее, легендарное, несколько романтизируемое прошлое и драматическое, полное тревог о несовершенстве мира настоящее» [1, с. 328]. Характерно это и для чувашской прозы конца XX – начала XXI в. Например, Арсений Тарасов, Василий Петров в своих произведениях, часто обращаясь к мотиву одиночества стариков, противопоставляют родителей и детей, село и город, народные традиции и новые веяния современной жизни. Так, в рассказах А. Тарасова «Сверчок», «Иисус Христос», «Старики», «Двое в старости», «Дед Кандюк и его кошка», «Возвращение» на первый план выходит мотив «одинокая старость». В «Сверчке» дед Мидюк и его старуха остались одни при живых детях. Коротать ночи им помогает пение сверчка. Однажды ночью дед, измученный ожиданиями вестей от беременной дочери и терзаемый сомнениями, кидает в неугомонного сверчка валенок. Сверчок замолкает. И только потом дед понимает, что сверчок замолк навсегда. Потеря «живой души», ставшей уже родной, заставляет деда задуматься о смысле жизни: *«Миҫе ҫул пураҫань-ши шӑрчӑк? Ҫынӑнни пекех пулсан ӗмӗрӗ, чим-ха, Митӗкӑн ашиӗ ҫак шӑрчӑкӑн ашиӗн юррине итлеме пултарнӑ вӗт ыйхӑ вӗснӗ самантсенче. Аслашиӗ – шӑрчӑк аслашиӗне... Пӗтерсе хучӗ пулат ватсунӑ Митӗк ҫӗршер-ҫӗршер ҫул сыпанса пынӑ йӑх ӗмӗрне. Татрӗ ӑруран ӑрӑва упранса, сыланса тӑсӑлнӑ юрра. Ашиӗ, аслашиӗ, мӑн аслашиӗ – миҫе-миҫе ӑру итлесе пураҫнӑ юрра. Митӗкран малалли ӑру мӗнле шарчӑка итлӗ-ха ӗнтӗ малашине? Мӗн юрлӗ вӗсем валли?»* [7, с. 196]. / «Сколько лет живет сверчок? Если у него век, как и у человека, то и отец Мидюк во время бессонницы запросто мог слушать родителя этого сверчка. А их дед – предка этого сверчка... Вот сейчас, стало быть, Мидюк взял и оборвал эту связь поколений. Оборвал, так сказать, песню, которая передавалась из поколения в поколение. Отец, дед, прадед – сколько поколений слушали его мелодию. А теперь молодое поколение как же будет-то без сверчка? Кто же станет петь для них?» (Здесь и далее перевод с чувашского автора статьи. – Ч. Е.). Таким философским вопросом задается дед и уходит к сельчанам искать нового сверчка. Образ сверчка в рассказе А. Тарасова, как и образ стариков, выполняет роль уходящего уклада жизни. На смену идет другая, неведомая Мидюк, жизнь. Так, находясь в поисках сверчка, дед видит совершенно новый уклад жизни на селе. Это большие кирпичные дома, где нет места сверчку (т.е. старым традициям), где слушают песни на магнитофоне, смотрят телевизор, имеют туалетные и ванные

комнаты и т.д. И только в доме бабушки Матрены, оказывается, проживает сверчок. Старушка слушает его вместо радио, называет «родственной душой» и сетует: *«Мёнле парса ярас-ха а́на сана? Чун сүмми вёт. Йәпанәҫ. Сүрт илемё те. Чёрё чун ҫапах та. Юрри пур. Чёлхи пур. Чун вёт вёл. Чун. Чуна вара мёнле парса яран?»* [Там же, с. 218]. / *«Как же мне отдать-то его тебе? Ведь родственная душа. Утешение и домашний уют. Живая душа все-таки. И песня, и язык есть. Душа же, а как душу-то отдать можно?»*. Вырастившая «для мира» пятерых детей, она давно не видела их, поэтому ей остается одно утешение – беседовать со сверчком. Таким образом, автор акцентирует внимание на том, что отказ от корней и традиций неминуемо ведет к тому, что люди все дальше будут отдаляться друг от друга. Слушать же пение сверчка в доме чувашей – это, по сути, сохранение веками сложившихся культурных ценностей.

Подобные размышления чувашского прозаика перекликаются и с современной татарской прозой. К примеру, Рифа Рахман в рассказе «Сверчок» тоже обращается к мотиву брошенных стариков. Клавдия Петровна давно не виделась с сыном Костей, который служит в Афганистане. Одиночество женщины скрашивает «родственная душа» – мышончок Петя. Но однажды, потеряв его, Клавдия Петровна находит успокоение в общении со сверчком, приняв его за душу мышонка Пети. Автор размышляет над тем, что человеку необходимо кто-то родной, хотя бы в образе сверчка. Однако сын, приехав на побывку к матери, прихлопнул насекомое и кинул в печь. Как и в рассказе А. Тарасова, это оборачивается трагедией для матери. *«А с кем останусь я? Скажи, с кем я буду жить?»* [6, с. 353], – спрашивает Клавдия Петровна у сына, теряя последние жизненные силы. Такие же вопросы самой себе задает героиня рассказа А. Тарасова «Двое в старости» Прасук, беседуя с кошкой. Двое в старости – это не два человека, а человек и животное. Утешением у Прасук является такая же старая кошка, как и она сама, с которой она все время разговаривает. «Название рассказа Тарасова <...> в полной мере отражает абсурдную (несуразную) ситуацию, положенную в основу его сюжета, – спасительное общение двух живых душ в старости (человека и животного)» [2, с. 132], – отмечает Р. А. Кудрявцева. В рассказе фигурирует еще один образ – это образ старого мышонка. Кошка ловит его во сне, однако так и не решается съесть, так как в нем она видит не добычу, а свою постаревшую хозяйку. Снова очевидно противопоставление – животные тоже стареют, но они с большим пониманием относятся к этому, нежели люди.

Мотив одиноких стариков и противопоставление «родители и дети» прослеживается и в творчестве другого чувашского писателя – Василия Петрова. Так, в рассказе «Письмо» старушка Улине после смерти мужа коротает свой век одна. Из ее троих детей двое умерли, а младший сын Микиш как уехал после армии в город, так и вовсе пропал. Свое одиночество Улине более всего ощущает в праздничные дни, когда все село наполняется гостями из города. Одинокая женщина в такие минуты надевает самую красивую одежду и, прихватив с собой письмо от сына, идет к сельчанам. Неоднократное чтение потертого письма в кругу соседней старушки чувством гордости за родного человека – все-таки он не просто так долго отсутствует, а, будучи моряком, плавает в океане, да и в личной жизни у него все хорошо: жена, дети, внуки. *«Килесиён-ха. Унсәр мёнле пурәнтәр ёнтё. Ара, таван амәшине кураҫ килекен пулчө-тёр ёнтё. Хәҫантанна ялта пулман. Пёр чөрөк ёмёр те ҫитет пуль»* [5, с. 110]. / *«Хочет приехать. Как же без этого прожить-то? Конечно, и по родной матери соскучился, наверно. Давно его в деревне не было, аж четверть века пролетело, поди»,* – рассуждает Улине с чувством гордости. И это чувство дает посыл к жизни, наполняя ее новой силой. И все бы ничего, если бы одна девочка не распознала на письме почерк своего отца, который, пожалев одинокую бабушку, написал письмо от имени ее сына и почтой отправил старушке-матери. Таким образом, автор подчеркивает то, как важно для пожилого человека ощущение сохранности родственных связей, чувства поддержки и непокинутости.

Современный мир, предлагая молодым людям в городах беззаботный и быстро меняющийся ритм жизни, особо не радеет о сохранении веками сложившихся традиций народа. Очень часто это приводит к тому, что родители и их дети теряют близкие родственные связи, молодым становится чуждо чувство благодарности, взаимовыручки и сочувствия. Ими начинает двигать лишь желание получить материальную выгоду, в небытие уходят общепринятые морально-этические нормы поведения. В другом рассказе В. Петрова – «Долг» – мы видим историю одиноких стариков, продолженную после их смерти: со дня смерти старушки Тадюк прошло три года, ее дети приехали в родной дом на мамин «последний семик», чтобы по чувашской традиции с поминками проводить душу усопшей матери. И тут выясняется, что их мать при жизни заняла немалую сумму денег у соседней, которую не успела вернуть. Деньги эти предназначались для проведения газового отопления. Однако мать, почуяв свою скорую кончину, отдала их многодетной Наталии, у которой в то время сгорел дом. Это обстоятельство вмиг меняет недавно хваставшихся своим благополучием детей: каждый из них начинает оправдываться и говорить, что не может вернуть долг. И только младший сын Леонтий, по воле случая отсидевший в тюрьме и поэтому потерявший к себе уважение родных, берет это бремя на себя. *«Живя в городе, душа у вас очерствела»* [4, с. 115], – так обвиняет он своих родственников. Его словами автор выражает сожаление по поводу того, что стираются глубокие родственные связи между самыми близкими людьми. Мало того, что мать, проживая одна, при живых четверых детях вынуждена была влезать в долги, но теперь еще эти вполне благополучные взрослые люди не в состоянии отдать материнский долг. Вполне понятно, что под этим долгом автор подразумевает не только определенную денежную единицу, но и тот долг, который дети испокон веков отдавали своим родителям – это долг памяти традициям того народа, чьими детьми они являются. У чувашей почитание предков издревле считалось святым.

Несколько иначе видит данную проблему татарский писатель Кави Латып. В рассказах «Газраил», «Яблоку Рамазана» он тоже затрагивает проблему человеческих взаимоотношений. В рассказе «Газраил» противопоставлены образы чуваша Лаврентия и его сына Егора. Татарка Газзе, вдова фронтовика Файзуллы Сафина,

одна поднимала детей после войны, а Лаврентий всячески отбирал у нее последние деньги. За это и прозвала она его Газраилом, т.е. ангелом смерти, т.к. каждый приход Лаврентия к вдове завершался то конфискацией самовара, то изъятием самой лучшей одежды мужа. Но образу отца противопоставлен образ сына, который, узнав про подлость родителя, приходит с покаянием к Газзе. *«Недаром говорят: у кого совесть чиста, у того лицо светлое. Вон какое у парня хорошее лицо»* [6, с. 278], – размышляет вдова, с благодарностью глядя ему в лицо. Образ молодого чуваша, который взял на себя смелость просить прощение за подлость отца, совершенную им не только в тылу, но давным-давно на фронте, – полная противоположность своего отца. Таким образом, татарский прозаик верит в чистоту помыслов молодого поколения и надеется на изменение дальнейшей судьбы народа посредством покаяния. В рассказе «Яблоки Рамазана» К. Латып затрагивает проблему не только человеческих взаимоотношений, но и морально-этическую проблему взаимоотношений мужчины и женщины: Марьям-апа, покупая на рынке яблоки у одного азербайджанца, узнает в нем Рамазана, который в молодости, после войны, очень помог ей. Тогда Рамазан поступил весьма достойно: оберегая вдову от людских сплетен, уехал подальше из татарского села. Марьям была женой его друга Кадыра, которого он потерял на войне. Рамазан видел, как Марьям любит и ждет своего мужа, поэтому даже не осмелился сказать о его гибели, т.к. понимал, что нельзя отбирать у человека последнюю надежду. Он помог Марьям, привязался к ней и ее сыну, однако не посмел сказать правду и уехал. И лишь потом все написал в письме. Так автор противопоставляет прошлое с настоящим: доброта, оказанная в прошлом, приносит свои плоды в настоящем – теперь уже Марьям-апа по мере сил присматривает за прихворнувшим стариком Рамазаном, у которого она на рынке купила самые вкусные яблоки. В этом рассказе образ яблок символичен – это плод того добра, которое Рамазан оказал в молодости («несколько романтизируемое прошлое») Марьям и ее семье.

Разумеется, чувашская проза конца XX – начала XXI в. не ограничивается только рассказами А. Тарасова и В. Петрова, а татарская – произведениями Р. Рахман и К. Латыпа. Новых исследований заслуживают многие другие прозаики, но именно у упомянутых авторов наиболее примечательно противопоставление образов и понятий прошлой жизни с настоящим, «полных тревог о несовершенстве мира». Авторы в своих произведениях показывают разобщенность родителей и детей и, как следствие этого, одиночество в старости и оскудение человеческих душ. Животные в таких ситуациях являются единственным утешением людей. Также писатели подчеркивают, что покаяние может стать новым витком в развитии человеческих отношений, а добро всегда приносит свои плоды.

Список источников

1. **Белая Г. А.** Литература в зеркале критики. Современные проблемы: монография. М.: Советский писатель, 1986. 368 с.
2. **Кудрявцева Р. А.** Композиция рассказов «Дети мои» В. Бердинского, «Двое в старости» Арс. Тарасова и «Сверчок» Р. Рахман (опыт сравнительного анализа) // Вестник Марийского государственного университета. 2014. № 1 (13). С. 131-134.
3. **Мышкина А. Ф.** Чувашская художественно-философская и художественно-публицистическая проза второй половины XX века: монография. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. 275 с.
4. **Петров В.** Кивсен // Таван Атӑл. 2009. № 3. С. 100-115.
5. **Петров В.** Сыру // Таван Атӑл. 2008. № 1. С. 106-110.
6. **Современная татарская проза** / пер. с татарского; сост. Л. Газизова, С. Мальшев. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. 670 с.
7. **Тарасов А.** Вёлтёртетсе вёсет сарӑ сӗлӗ: калавсем. Шупашкар: Чӑваш кӗн.изд-ви, 2016. 288 с.
8. **Федоров Г. И.** Художественный мир чувашской прозы 1950-1990 гг.: монография. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. 304 с.
9. **Чекушкина Е. П.** Особенности прозы молодых писателей в чувашской литературе конца XX – начала XXI в. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. 2. С. 184-187.

THE PECULIARITIES OF OPPOSITION OF IMAGES AND NOTIONS IN THE CHUVASH AND TATAR PROSE OF THE END OF THE XX – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Chekushkina Elena Petrovna, Ph. D. in Philology
I. N. Ulianov Chuvash State University, Cheboksary
enarpi@mail.ru

The Chuvash and Tatar peoples, being genetically related, have much in common in their cultural development. In modern literary criticism, more and more attention is paid to the comparative analysis of works of related peoples, because it helps to understand better the multifaceted and different modern world, as well as the processes that take place in it. That is why this article examines the peculiarities of the Chuvash prose of the late twentieth and early twenty-first century in the context of Tatar literature. Special attention is paid to the analysis of the works of Chuvash writers A. Tarasov, V. Petrov and Tatar writers R. Rakhman, K. Latyp. The disclosure of the motive of loneliness and the study of the moral and ethical relationships of people in the modern world are the main priorities in the work of the writers under consideration.

Key words and phrases: Chuvash prose; Tatar prose; images and motives; Arsenii Tarasov; Vasilii Petrov; Rifa Rakhman; Kavi Latyp.